

Величко С.

## НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЯ К ВЛАСТИ В ВИЗАНТИЙСКОМ И РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ

С 20-х годов XIX века и по настоящее время в произведениях многих как российских, так и украинских мыслителей (начиная с Чаадаева и др.) можно прочесть, что в бедах, постигших Россию, во многом виновато византийское православие, точнее, тот факт, что Русь приняла христианство не западное (католицизм), а восточное и впитала в себя якобы присущие ему недостатки, такие, как "цезарепапизм", догматизм и т. д.

Действительно, приняв православие, Русь заимствовала многое из византийского христианства: прекрасную греческую литургию, конструкцию храмов, манеру иконописи и т. д. Однако для того, чтобы почувствовать разницу между византийским и русским православием, сопоставим высказывание сирийского христианского мистика Исаака Ниневийского и главы иосифлян Иосифа Волоцкого:

"И что такое сердце милующее? Возгорение сердца человека о всем творении, о птицах, о животных, о всяких демонах и о всякой твари.

При воспоминании о них и при воззрении на них, очи у человека источают слезы от великой и сильной жалобы, объемлющей сердце. И от великого терпения умиляется сердце его, и не может оно вынести или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварию. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно приносит он молитву, чтобы сохранились и очистились, а также о естестве пресмыкающемся молится с великой жалостью, какая без меры возбуждается в сердце его на уподобление в сем богу"<sup>1</sup>

Всеобъемлющая мир жалость, понимаемая не как временный эффект, а как непреходящее состояние души, резко контрастирует с высказыванием Иосифа Волоцкого, который на вопрос Великого князя, следует ли казнить еретиков (т.е. инакомыслящих), отвечает: "И мне, господин, мнится, мол государь наш князь великий блюдетя греха казнити еретиков. Ино господине, той пригоже государю поминати, каково имели подщание и ревность прежние благочестивые цари о непорочной христианской вере и как еретиков по проклятию в заточение посылали, а иных казнили"<sup>2</sup>.

Различия между византийским и русским православием можно увидеть как в форме принятия христианства, так и в истории взаимоотношений государства и церкви.

Христианство родилось и развилось внутри того конгломерата народов, который стал основой развивавшегося параллельно с христианством византийского суперэтноса.

Превращение христианства из мало кому известной религии "униженных и оскорбленных" в официальную религию Позднеримской и Византийской империй и вытеснение им язычества происходило медленно, как правило, помимо воли государства и, в основном, ненасильственным путем. Более чем через полвека после признания христианства государственной религией империи последний великий римский (он же первый византийский) историк Аммиан Марцелин оставался язычником и открыто подвергал современное ему христианство острой критике<sup>3</sup>.

Интеллектуальный оплот язычества — Афинская академия была закрыта властями только в 529 году н. э. Придворный поэт благочестивого императора Юстиниана описывал недавно построенный храм св. Софии с помощью мифологического образа Фэтона, сына Гелиоса:

“Все здесь дышит красотой, всему подивится

немало

Око твое: но поведать, каким светозарным сия-

нием

Храм по ночам освещен, и слово бессильно.

Ты скажешь Некий ночной Фэтон сей блеск излил на святыню<sup>4</sup>.

И это почти уже через двести лет после принятия христианства.

Великие ранневизантийские историки Прокопий Кессарийский и Агафий Миренейский, современники императора Юстиниана, также относились к христианству

весьма индифферентно. Агафий был к тому же известен как поэт, часто использовавший в своей лирике языческую мифологию. И в это же самое время жили и творили такие христианские подвижники, как св. Иоанн Синайский, св. Симеон Столпник Дивногорец и др.

Для всего процесса становления христианства в ранней Византии символична судьба мыслителя IV—V в. н.э. Синезия Киринейского — в начале защитника язычества, друга женщины-философа Ипатии, впоследствии крестившегося, ставшего епископом Киринейским и приложившего много усилий для развития христианства в своей епархии.

Для Руси, в отличие от Византии, христианство было чужой, пришедшей извне религией.

Для борьбы с еще сильным влиянием местного язычества христианской церкви здесь гораздо чаще, чем в Византии, приходилось прибегать к силовым методам ("Добрыня крестил Новгород мечом, а Путята огнем"), а использовать силу можно было только при поддержке государственной власти, то есть фактически с первых лет своего существования русская православная церковь в борьбе с инакомыслием стала использовать аппарат насилия, имеющийся у власти, платя за это идеологической поддержкой политики, проводимой Киевским государством.

Нельзя идеализировать и византийское православие: и здесь императорская власть активно вмешивалась в дела церкви (вспомним хотя бы смещение Константинопольского патриарха Иоанна Златоуста). Однако "в том обстоятельстве, что Иисус Христос был записан как подданный императора Августа, византийские экзеты усматривали принципиальную отмену пафоса власти". Здесь, несмотря на то, что христианство стало духовным коррелятором империи, оно сохранило моральную обособленность от государства. Византийская церковь смогла добиться, правда, весьма относительной, но все же независимости от власти. Попытка императоров Исаварийской династии Льва III и Константина V подчинить церковь полностью, встретив резко отрицательную реакцию населения, как духовенства, так и мирян, провалилась.

На Руси же, особенно в московский период, влияние государства на церковь постоянно возрастало. Можно выделить, по крайней мере, две главные причины, обуславливающие этот процесс. Первой причиной, как кажется, являлся рост авторитета центральной власти после падения монголо-татарского ига и приобретения этой властью восточно-деспотических черт.

Второй причиной было то, что, очевидно, русская церковь не имела достаточной опоры в русском обществе, то есть русское общество не стало гарантом автономности церкви от власти.

За столетия активного сотрудничества с властью русская православная церковь в глазах народа сама стала одним из атрибутов государства. В смутные времена в борьбе с захватчиками народ объединялся вокруг православной церкви, но боролся он не за православную церковь, а за спасение русского государства. Однако вследствие такого понимания церкви общество стало терпимо относиться к вмешательству государства в ее дела.

В начале XVI века государство вмешалось в борьбу двух течений в русском православии: иосифлян, возглавляемых Иосифом Волоцким, и нестяжателей, главой которых являлся заволжский старец Нил Сорский. Так как последние ратовали за моральную автономию церкви от государства, то Великий князь Василий III поддержал иосифлян, утверждавших, что государь естеством подобен всем человекам, а властью же богу.

Двести лет спустя государство окончательно превратило церковную организацию в часть государственного аппарата, отменив патриаршество и создав в 1721 году новый, полностью подконтрольный власти орган управления церковью — церковный Синод. Из всего вышеизложенного можно, как мне кажется, сделать вывод, что объявлять византийское православие виновником трагических событий, постигших и русское

государство и русскую церковь, нельзя. Если кто-то и виноват в трагической судьбе русского православия, так это прежде всего сама русская православная церковь.

---

<sup>1</sup> Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Наука, 1977. – С.83.

<sup>2</sup> Волоцкий И. Послания Иосифа Волоцкого. – М.-Л.: АН СССР. – 1959. – С.96-97.

<sup>3</sup> Аммиан Марцелин. Римская история. – Санкт-Петербург, "Алетейя". – 1996 – С.456.

<sup>4</sup> Левченко М.В. Византийский ученый Агафий Миринейский и его мировоззрение// Византийский временник. – М.: Академия наук. – 1950.–Т.3.– С.273.